

21 Октября 1934 г.

Многоуважаемая Зинаида Григорьевна.

С особенным удовольствием исполняя Вам поручение - перевести, для распространения в русской печати, корреспонденцию сегодня в Таймсе о поручении министру Уоллесу подписать пакт Н. К. Рериха, с весьма ценными словами Уоллеса по этому поводу, я хотел бы поделиться с Вами несколькими мыслями при этой небольшой работе. Пишу их, вместо передачи на словах, не только потому, чтобы не отрывать Вас от занятий, но и с просьбой: Не откажите иметь в виду мои "тенденции" впереди, когда мне придется в чем либо участвовать в Вашей работе по развитию идей и учреждений Николая Константиновича.

Предварительно: Я передаю Вам три копии моего перевода, удержав четвертую, в убеждении, что в какой либо из моих работ мне придется перечитать это сообщение и настроиться им на верный тон и характер статей для публики. Само собою разумеется, что Вы вольны изменить текст моего перевода /раз навсегда - не страдаю ложным авторским самолюбием/, но мне казалось, что некоторая осторожная изменения буквальная редакция оригинала требуются не только руссификацией перевода, но и выбором из нескольких близких русских слов так, чтобы была выдержана и идея момента подписания, и идея самого дела, и чтобы получилось наиболее глубокое впечатление и правдивое понимание того, что творится.

Между прочим, несомненно продуманное серьезно Н. К. Рерихом название "пакта", очень доступное каждому русскому читателю-юристу, несколько непривычно читателю-обывателю, хотя бы и общего образования. На "американском" языке это название очень кстати: Не только в большом словаре Вебстера, но и в сокращенном его издании /колледжизт/ слово "пакт" приведено в обиходных и идущих от времен римского права. Обиходность его для грамотных американцев и англичан подтверждается тем, что оно - в карманном образцовом словаре "Малый Окфорд Дикшенари" . "Пактом Рериха" называет его официально американское правительство в переводимом сообщении Таймса.

Я задумался в переводе над словом Уоллеса "разносторонний г е н и й Николая Рериха", годится ли это для русского читателя. И - не по сомнению для меня, генеалог ли Н. К., но потому, что в русской литературе Вы найдете большую скупость в этом названии. Даже в прошлом, в личностях законченного пути и типа, русские неохотно та

называют и пишут, В русском языке гений - только гений. По английски "джиниус" имеет разныя значения, и не гениального. Но в устах американца я допускаю приведенный мною перевод и оставляю его.

По тем же соображениям, в следующей строке слов Уоллеса я не перевел "гретаст" словом величайшим, но - крупнейших.

Я хотел бы, чтобы в моих путях рядом с Вами, в слежении культурным задачам Н. К. Вы видели бы не упорство и не умаление, когда я обхожу приподнятия слова, и е н у ж и н а Н. К. Рериху и его делу. Наш с Вами авторитет в печати - не окончательный для русского читателя, он оставляет за собою право раздумья, а шепот в ухо со стороны есть. Предоставьте дойти русскому читателю самому до вершины мысли, только помогая ему. И сильныя слова не надо слишком часто повторять. Гениальность Н. К. надо больше показывать, чем утверждать.

Только по русски, в цитате из слов самого Н. К. я заменил как будто "мой договор" /сам про себя - пакт Рериха/ словами "договор Знамени Мира", более подходящими для говорящего автора.

Для меня нет вопроса, нениален ли Н. К. Проживши наверно более сорока лет в русском образовании, и не давая ему уходить от меня всю мою жизнь, я должен давно усвоить признаки гения. Они - на лицо в личности и в делах Н. К. Сближение с ним лично не развенчивает его, как это часто бывает при сближении с большими талантами, у которых Вы оставляете за ними только часть, в чего специальном таланте /художника, писателя, музыканта и т. п./ и видите мельчающего перед Вами обывателя, с мелкими страстями /Моцарт и-Сальери, и мног. другия параллели/. Напротив, классическая простота личности и мысли Н. К. еще более заставляет думать о его гениальности. Гении Бетховена, Пушкина, Достоевского так абсолютны, что целый ряд страстей каждого из них заслоняется их негием. У Н. К. - мысль, самое высшее в человеческом интеллекте, врезывается в Вас и в его картину и в его Философии. Многое можно было сказать о личности и талантах Н. К., но едва ли это истати мне говорить Вам, продумавшему его так долго и так много.

Но, подписываясь под сказанным, я уклоняюсь, по русски, от сильных для русского читателя слов, предпочитая подводить его к сознанию, пониманию и признанию.

Ваш